

в учебные планы²². На уступки пошёл и Синод: с определёнными оговорками допускалось поступление семинаристов в университеты, послабления произошли в воспитательном режиме семинарий (разрешалось говеть вне семинарии, устраивать литературные чтения и др.), перемены здесь затронули и учебные планы²³.

Прекращение «смуты» объясняется не только репрессиями властей. Серьёзно повлияли на снижение масштабов студенческого и рабочего движения также изменения в настроении средних городских слоёв, из которых происходили юные «бунтари»²⁴. Существенное значение имела и специфика социального поведения самой учащейся молодёжи. Наряду со способностью откликаться на общественные события, она продемонстрировала специфические, обусловленные возрастом и недостатком жизненного опыта, качества: неспособность к напряжённой длительной борьбе, склонность к радикализму и эффектным, часто асоциальным акциям, импульсивность и быстрый отказ от активных действий в случае неудачи. Неудивительно, что первые послереволюционные годы характеризовались тревожными и невиданными ранее в молодёжной среде явлениями: утратой жизненной перспективы, увлечением мистицизмом и идеями «свободной любви», грубостью в общении, пренебрежением к авторитету взрослых – учителей и родителей, распространением суицидальных настроений²⁵.

²² См.: Константинов Н.А. Указ. соч. С. 100–102; Кузьмин Н.Н. Среднее и низшее сельскохозяйственное образование в дореволюционной России // Учёные записки Курганского госпединститута. Вып. 2. Курган, 1963. С. 15; РГИА, ф. 741, оп. 11, д. 72; ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 6086, л. 1–1 об., 95–95 об.

²³ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 236–239.

²⁴ См. Борьба за массы в трёх революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 109.

²⁵ Подробнее см.: Ватник Н.С. «Огарки»: мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 гг. // Российская история. 2010. № 6. С. 97–105; он же. «Школьный фактор» в самоубийствах учащихся Центральной России начала XX в. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2. С. 96–102.

Первая русская революция в освещении Санкт-Петербургского телеграфного агентства

Елена Кострикова

The first Russian revolution interpreted by St. Petersburg Telegraph Agency
Elena Kostrikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Революция развивалась на фоне очень сложной и неблагоприятной для Российской империи международной обстановки. Страна вела войну с Японией в условиях почти полной дипломатической изоляции, не имея реальной поддержки даже от союзной Франции. В то же время правящие круги всех великих держав внимательно следили за внутрисоциальным положением в России.

Трагедия 9 января 1905 г. вызвала большой резонанс за рубежом. Иностранная пресса была переполнена подробностями событий, разыгравшихся на Дворцовой площади в Петербурге. В ряде европейских центров прошли митинги солидарности с восставшими. Имели место даже нападения на здания русских консульств и посольств (в Брюсселе, Лондоне, Триесте и др.).

Понятно, что в этих условиях информационная политика оказывалась для правительства задачей первостепенной важности. Основным информационным каналом власти, адресованным зарубежной аудитории, стало Санкт-Петербургское телеграфное агентство (далее – СПА), начавшее свою деятельность в сентябре 1904 г. Со временем СПА должно было стать вровень с английским Рейтер, французским Гавас, немецким Вольф, австрийским Корреспондент-бюро.

Революционные события 1905–1907 гг. застали агентство в стадии становления. Формирование корреспондентской сети внутри страны и за рубежом было далеко от завершения. Не вполне разработаны были и сами принципы функционирования официального информационного органа российского правительства. В условиях революции руководству СПА пришлось решать весьма непростые задачи. Управлял агентством совет из директоров от трех министерств: финансов, внутренних и иностранных дел. Изменения, произошедшие в политическом устройстве России, предполагали некоторую демократизацию и в информационной сфере. В то же время в правящих кругах не было единодушия в вопросе о характере и целях информационной политики. На протяжении всего периода революции между руководителями различных ведомств по этому поводу шли споры.

Особую сложность представлял обмен информацией с иностранными государствами. Власти, безусловно, были заинтересованы в распространении за границей благоприятных для России известий. Однако простое замалчивание негативных фактов не только не принесло бы пользы, но могло дать и обратный результат. Директор-распорядитель агентства П.И. Миллер был убежден: «Завоевать доверие за границей можно только полной осведомленностью и возможно полным беспристрастием, иначе сообщения агентства потеряют ударную силу. На них будут смотреть как на тенденциозные уклонения от истины и недо молвки. А это лишило бы агентство возможности работать в интересах правительства, заставляя заграничное общество быстро и с доверием воспринимать желательные для России сведения». Представители МВД, со своей стороны, настаивали на соблюдении осторожности, «чтобы за границей не составилось представления о внутренней неустойчивости России»¹.

Согласно циркуляру Главного управления почт и телеграфов, сведения, передаваемые в СПА, не подлежали цензурному просмотру в местах их подачи. Данные закрытого характера передавались в зашифрованном виде. В полном объеме такая информация помещалась в секретных бюллетенях агентства под литерой «А». В список лиц, которым предназначались эти бюллетени, входили 45 высших сановников и 10 лиц царской фамилии. По распоряжению Николая II ему доставлялись все телеграммы агентства².

В самом начале революции руководство СПА обратило внимание на отсутствие в телеграммах с мест сообщений о волнениях и политических акциях. Выяснилось, что корреспонденты, среди которых преобладали местные чиновники, считали, что такие известия официальному агентству не нужны, так как по

¹ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1155, л. 16.

² Там же, д. 1155, л. 17; д. 1264, л. 1.

цензурным условиям не могут быть помещены в газетах. Правление поспешило внести ясность: «Здесь очевидное недоразумение. Санкт-Петербургское агентство должно быть хорошо осведомлено *о всех* (выделено в оригинале. — Е.К.) происшествиях, имеющих крупное значение, а к их числу непосредственно принадлежат политические манифестации, студенческие волнения, стачки фабричных рабочих, крестьянские беспорядки и т.п. Своевременное и беспристрастное изложение, телеграфирование агентству обо всех подобных происшествиях составляет неперемennую обязанность гг. корреспондентов, и они не должны входить в рассмотрение, насколько возможно помещение таких телеграмм в прессе. Обсуждение этого вопроса принадлежит правлению агентства». Корреспондентам напомнили, что их телеграммы оплачиваются в любом случае³.

Чтобы соблюсти баланс, руководство СПА решило, не уклоняясь от передачи сообщений о протестных акциях, больше внимания уделять событиям, свидетельствующим о верноподданнических настроениях. Следуя этой линии, о трагических событиях 9 января было передано только официальное сообщение, после чего агентство ограничивалось известиями типа: «столкновений не было», «день прошёл спокойно», «ночь прошла спокойно», «спокойствие всё более и более восстанавливается», перечислялись предприятия, приступившие к работе. Однако скрыть правду о случившемся было невозможно: в России работало множество представителей иностранных средств массовой информации. Газета «Русь» 11 января писала: «Все наиболее распространённые органы посвятили Петербургу не столбцы, а целые листы, иногда целый ряд листов... Телеграммы немецких и французских газет сообщают в один голос о 2 тыс. убитых и 4–5 тыс. раненых... Эти цифры представляли такой контраст с официальными сообщениями, что общественное мнение склонно было верить во всё худшее».

12 января редакторы и издатели петербургских газет обратились к министру внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирскому с просьбой разрешить им дать подробный и верный отчёт о последних событиях в Петербурге. Тот ответил, что вполне сочувствует их просьбе, но разрешение зависит от генерал-губернатора Д.Ф. Трепова⁴. В результате 15 января в газетах было напечатано: «О событиях 9 января и последующих дней мы имеем возможность печатать только правительственные сообщения и официальные сведения». Тех, кто посмел ослушаться, ждало наказание. В тот же день по распоряжению министра внутренних дел была запрещена розничная продажа либеральной газеты «Русские ведомости». Интересно, что именно в эти дни (12 января) за подписью Святополк-Мирского был разослан циркуляр губернаторам с разъяснением назначения СПА, в котором говорилось: «Наиболее целесообразный путь к установлению в обществе правильного взгляда на ход правительственной работы и её плодотворность — есть гласность самых органов и чинов правительства. Постоянное и правильно организованное ознакомление общества с правительственной деятельностью сближает власть и общество и, поддерживая их взаимное доверие, является могущественным средством к устранению всякого рода злонамеренных тенденциозных толков и слухов»⁵.

Под воздействием нараставших революционных событий количество телеграмм из разных регионов России заметно увеличилось. СПА пердало сообщения о забастовках из Батума, Варшавы, Кутаиси, Кишинёва.

³ Там же, д. 102, л. 12.

⁴ Русские ведомости. 1905. 19 января.

⁵ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 46, л. 19.

В телеграммах из Варшавы, Либавы, Киева, Саратова и др. нашли отражение волнения на железных дорогах (забастовки охватили 30 из 33 железных дорог империи и заставили правительство ввести режим военного положения на железнодорожном транспорте, установив уголовную ответственность за прекращение работ). Известиям такого рода старались, по возможности, придавать спокойный тон. Однако читатели всё равно догадывались, насколько серьёзно положение, тем более что газеты давали более полную информацию. Широко освещались бакинские события — столкновения на национальной почве между армянами и мусульманами. 22 февраля было объявлено о введении военного положения в Баку и Бакинской губернии. Из Харькова, Варшавы, Томска сообщали о закрытии высших учебных заведений, из Казани — о студенческой демонстрации, из Курска — о волнениях среди гимназистов. Несколько телеграмм касалось борьбы служащих торговых заведений за сокращение рабочего дня и обеспечение воскресного отдыха.

Следуя указаниям давать информацию положительного характера, СПА регулярно сообщало о поднесении верноподданнических адресов от разных слоёв населения. Однако на фоне нараставшего в стране революционного движения подобные «успокоительные факты» не достигали желаемого результата. На заседании Совета, состоявшемся 14 февраля 1905 г., представитель МИД А.А. Нератов предложил расширить программу сообщений агентства за границу, дополнив её публицистическими известиями в выгодном для России освещении: «Тенденциозные и невыгодные для престижа России заметки, наводняющие заграничную прессу, не должны бы были оставаться без противовеса». Но Миллер заметил, что подобное расширение программы, в принципе, безусловно, необходимое, в настоящий момент едва ли выполнимо: «Не создав себе упроченной репутации..., правдивого источника осведомления, СПА заметками публицистического характера легко может вселить за границей недоверчивое отношение к себе, с которым, [как] только оно возникнет, почти невозможно будет бороться»⁶.

Тем не менее в начале марта агентство попыталось в своих телеграммах акцентировать положительную сторону происходивших событий. Очень подробно освещалась работа Особого совещания по печати, деятельность комиссий по рассмотрению требований рабочих (в Митаве, Батуме, Симбирске) и губернских совещаний по пересмотру законоположения о крестьянах (в Ковно, Симбирске, Вильне, Калуге). Подробно освещалось прекращение забастовок. Однако вскоре поток тревожных известий возобновился.

В марте 1905 г. сотрудники СПА получили секретную инструкцию, в которой говорилось, что агентству необходимо иметь в полном объёме сведения о протестном движении в стране: «В обязанность корреспондентов входит также телеграфирование о стачках, крестьянских волнениях, политических манифестациях, покушениях, крупных арестах и прочих, имеющих общественный интерес событиях, обычно не попадающих в печать». В то же время агентство всё больше ограничивало осведомление органов печати по таким вопросам. Мощное забастовочное движение в апреле, повсеместное празднование Первой стали предметом обсуждения на заседании Совета агентства 7 мая 1905 г. Представитель МВД Шаховской доложил, что его руководство «находит желательным, чтобы СПА, помещая сведения о забастовках, не публиковало в печати условий, предъявляемых забастовщиками»⁷.

⁶ Там же, д. 1155, л. 18.

⁷ Там же, д. 101, л. 20, 85.

Вскоре под влиянием нараставших событий руководству СПА пришлось пересмотреть порядок предоставления телеграмм самому Николаю II. В июне 1905 г. А.Г. Булыгин, сменивший Святополк-Мирского на посту министра внутренних дел, выразил озабоченность тем, что телеграммы, посылаемые императору, «в некоторых случаях содержат тревожные, способные взволновать сообщения и иногда оказываются неверными». Миллер доложил об этом Коковцову, и тот согласился, что передача таких сведений «вызывает в настоящее время некоторые затруднения». Летом 1905 г. в связи с восстанием на броненосце «Потёмкин» возник конфликт агентства с морским ведомством. Министр А.А. Бирилев был категорически против любой информации о волнениях на флоте: «О регулярном снабжении СПА разными желательными ему сведениями не может быть и речи»⁸.

В сообщениях агентства, направлявшиеся за границу, включались сведения из бюллетеней «А». Такой порядок был установлен с самого начала по распоряжению Святополк-Мирского, но он вызвал сомнения у его преемника. Коковцов попытался убедить Булыгина в бессмысленности замалчивания неблагоприятных известий, напомнив, что доверие иностранного общества к телеграфному агентству напрямую зависит от точности и полноты сообщаемых им сведений: «Если правительству желательно иметь орган, посредством которого можно было бы в надлежащий момент заставить иностранное общество быстро и доверчиво воспринять какое-либо известие или даже какой-либо взгляд, то этот орган должен иметь возможность предварительно снискать себе за границей репутацию откровенности и правдивости». Как министр финансов, Коковцов должен был учитывать настроение общественного мнения за границей, влиявшее на биржу: «Здесь часто наибольшую панику способна вызвать простая неизвестность, при наличии случайных и неоформленных слухов». Он считал более правильным сразу давать за границу информацию, пусть даже неблагоприятную, в возможно более «благожелательном изложении», чем потом выступать с опровержениями и разъяснениями. В противном случае в иностранную печать и в дальнейшем будут проникать «крайне преувеличенные, подчас совершенно фантастические известия, которые, ввиду укоренившегося за границей убеждения в нелюбви русского правительства к гласности и в привычке к официальному замалчиванию, охотно воспринимались обществом и, несмотря на свою фантастичность, встречали всеобщее доверие»⁹.

Однако к осени обстановка в стране накалилась настолько, что МВД потребовало более жёсткой цензуры. В октябре 1905 г. из Департамента полиции докладывали: «Степной генерал-губернатор сообщает по телеграфу, что ежедневное оповещение телеграфными агентствами об успехах всеобщей забастовки всех отраслей труда в России с умалчиванием при этом о мероприятиях и деятельности представителей власти производит на население потрясающее впечатление, порождает панику и возбуждает беспокойные элементы». Такие же сигналы поступили и от других губернаторов¹⁰. Департамент полиции просил не помещать сообщений такого рода. Но в тот период агентство не могло отказаться от передачи подобной информации.

Изменение в политике руководства СПА произошло позднее, когда наметился перелом в революции. В середине 1906 г. Миллер инструктировал своих

⁸ Там же, д. 21, л. 49; д. 46, л. 53.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, д. 66, л. 63, 84.

сотрудников уже в совершенно ином духе, предлагая обращать больше внимания на «положительную сторону текущих событий, на признаки оздоровления русской жизни, на деятельность учреждений и организаций, стремящихся к созидательному разрешению назревших вопросов». В частности, корреспондентам следовало шире освещать ход земельной реформы, случаи противодействия агитационной деятельности, выдачу властям революционеров¹¹.

На спаде революции произошло полное изменение в тактике агентства, что выразилось в полной замене старых инструкций. Корреспондентам предписывалось сосредоточить внимание на деятельности земских, городских и других общественных учреждений. В телеграммах должно было найти отражение «всё, что характеризует укрепление религиозного чувства, поднятие нравственности населения, пробуждение в нём национального самосознания в духе российской государственности, проявление со стороны общественных учреждений и групп населения доверия к правительственной власти и её органам, готовность идти навстречу правительственным мероприятиям»¹².

¹¹ Там же, д. 101, л. 150.

¹² Там же, д. 1155, л. 35.

Живописное искусство и революция 1905–1907 гг.

Лидия Березовая

The fine arts and the revolution of 1905–1907

Lidiya Berezovaia (Russian State University for the Humanities, Moscow)

Как известно, искусство не только отражает текущие события и чувства людей, но и является мощным инструментом создания представлений о прошлом, настоящем и будущем. Эта функция искусства особенно значима в острые, переломные моменты истории. Перефразируя булгаковского профессора Преображенского, можно сказать, что революция, как и разруха, совершается прежде всего в головах людей, в общественном и индивидуальном сознании участников событий. Визуальная культура, в первую очередь живопись, особенно сильно апеллирует к эмоциям, создавая устойчивые образы событий, формируя стереотипы восприятия. Живопись революционного времени способна иногда точнее передать чувства и настроения людей, их понимание происходящего, чем письменные документы.

События 1905–1907 гг. так или иначе отразились в творчестве более 60 художников – современников революции¹. Много картин и зарисовок было создано известными мастерами, но ещё больше – художниками «второго ряда» и вовсе неизвестными рисовальщиками, спешившими зафиксировать свои впечатления от увиденного и пережитого.

Визуальная история революции – не фотографическое её отражение. Живопись превращает любое событие в знак, символ, создавая визуальный образ

© 2016 г. Л.Г. Березовая

¹ Шлеев В.В. Революция и изобразительное искусство. М., 1988. С. 146.